

**ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШУЙСКИЙ —
ПЕРЕВОДЧИК ГОМЕРА****(К 125-летию со дня рождения)***Л.В. Доровских
(Екатеринбург)*

10 июля 2003 г. исполняется 125 лет со дня рождения Павла Александровича Шуйского (1878–1955), доцента кафедры классической филологии Уральского университета, осуществившего новый перевод поэм Гомера, явившийся результатом более чем двадцатилетнего упорного труда по изучению древнегреческого эпоса. Перевод «Одиссеи», сделанный П.А. Шуйским, увидел свет в 1948 году—через сто лет после всем известного перевода В.А. Жуковского. Уральский университет в тяжелые послевоенные годы нашел средства на это издание, являющееся сейчас библиографической редкостью (тираж составил 1000 экземпляров), а переводчик стал одним из первых лауреатов премии за лучшую научную работу, которая, учрежденная за вклад Уральского университета в победу над фашизмом, присуждается и ныне.

В небольшом предисловии, предваряющем перевод, П.А. Шуйский пишет, что он полагает «Одиссею» в переводе В.А. Жуковского «выдающимся явлением, но скорее русской литературы, а не древнегреческой»¹: крупный русский поэт, не знавший древнегреческого языка, использовал в своей работе немецкий подстрочник, поэтому допускал отступления от гомеровского текста и дополнения от себя. Эти отступления и вольности—«приукрашивания Гомера»—присутствуют в переводе В.А. Жуковского, хотя в письме к С. Уварову поэт замечал, что «переводя Гомера, надобно отказаться от всякого щегольства, от всякой украшенности, от всякого покушения на эффект»². По мнению П.А. Шуйского, В.А. Жуковский внес в изображение жизни

¹ ГОМЕР. Одиссея. Перевод (размером подлинника) П.А. Шуйского. Под ред. А.И. Виноградова. Свердловск: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1948. С. 7.

² Цит. по указ. изданию. С. 7.

греков гомеровской эпохи «черты хорошо знакомого ему придворного быта, в частности, придворные выражения и обороты речи». П.А. Шуйский же рассматривал свой новый русский текст как «попытку приближения к Гомеру», которая должна послужить толчком для создания «русского текста поэмы, достойного великого древнего поэта и великого русского народа»³.

Новый перевод «Одиссеи» был воспринят научной общественностью неоднозначно.

Академик И.И. Толстой считал достоинством нового перевода не только сохранение размера подлинника, но и то, что П.А. Шуйский «несравненно более точен в выборе лексического запаса и в передаче характера самого стиля античной эпической речи»⁴. В письме П.А. Шуйскому он писал: «Глубокоуважаемый Павел Александрович! Трудом своим Вы совершили огромный высококультурнейший по содержанию подвиг перед Отечеством»⁵.

Общую высокую оценку дал и Б. Горнунг: «Как поэтическое произведение перевод П.А. Шуйского значительно уступает, конечно, не только Жуковскому, но и недавно изданному переводу «Одиссеи» В.В. Вересаева. Однако передача простоты и безыскусности эпического стиля «Одиссеи» — передача, которую А.А. Потембин считал главной задачей переводчика «Одиссеи», — удалась Шуйскому лучше, чем кому бы то ни было. Гомер у него ближе к русским былинам и другому народному эпосу, чем у Гнедича, Минского, Жуковского и Вересаева»⁶.

Довольно большую критически направленную рецензию, написанную М.Е. Грабарь-Пассек и Ф.А. Петровским, опубликовал «Вестник древней истории» (№ 3, 1950 г., с. 129–133). Считая закономерным желание дать новый перевод Гомера, соответствующий оригиналу и его стихотворным особенностям, авторы рецензии ожидают от перевода П.А. Шуйского исправления словарных неточностей, устранения чуждой Гомеру «стилистически-романтической окраски»⁷ и упрекают переводчика за его понимание точности перевода. По мнению рецензентов, для П.А. Шуйского главное — «словарная точность, более близкая к буквальности, чем к поэтической верности перевода»⁸. С этой позиции и оценивается перевод Шуйского. С одной стороны, признается обоснованность предлагаемых переводчиком исправлений: так,

³ ГОМЕР. Одиссея. Перевод (размером подлинника) П.А. Шуйского. С. 7.

⁴ Отзыв академика И.И. Толстого цитируется А.И. Виноградовым в редакторском предисловии к переводу П.А. Шуйского; см.: там же. С. 5.

⁵ Цит. по: Молчанов А. Странствия «Одиссея» // Уральский рабочий. 8 октября 1997. С. 4.

⁶ Там же.

⁷ ВДИ. 1950. № 3. С. 129.

⁸ Там же. С. 130.

эпитет святотатный, введенный Жуковским, у Гомера отсутствует (Ном. *Od.* IV.503, 509; X.200); или Цирцея у Жуковского сидит перед ткацким станком (X.222), хотя в гомеровское время ткали не сидя перед станком, а обходя его. Ср.: *Il.* I.31: *ἰστὸν ἐπιχορμένην* («ткальный стан обходя»; пер. Гнедича). С другой стороны, свое понимание точности перевода, отличное от точки зрения Шуйского, определило характер высказанных замечаний. Например, П.А. Шуйский вместо наименований царь, царица, употребляемых Жуковским, предлагает слова *басилей*, *басилея* (кстати сказать, современные словари иностранных слов в русском языке включают лексемы *басилей* и *басилевс*). С точки зрения рецензентов, названия царь и царица, хотя и неточны исторически по отношению к Менелаю, Одиссею, Пенелопе, стилистически вполне законны, так как употребляются в русских сказках, легендах, исторических песнях и связаны в фольклоре вовсе не с образом неограниченного монарха в буквальном смысле слова, а с образом властителя вообще; или *милая нимфа* (Ном. *Od.* IV.743: *νύμφα φίλη*) в обращении Эвриклеи к Пенелопе необоснованно, ибо слово *нимфа* в русском языке приобрело «строго определенное значение полубогини или второстепенного божества, олицетворявшего в греческой мифологии различные силы природы, и никогда не может быть употреблено как обращение к замужней женщине, как в данном случае»⁹.

Отмечая внимание переводчика к эпитетам, подробный перечень которых дан в приложении к переводу «Одиссеи»¹⁰, рецензенты не всегда согласны с предлагаемым переводом их, полагая, что в ряде случаев Жуковский переводит эпитеты очень точно¹¹.

Ответом на эту рецензию стало «Письмо в редакцию», опубликованное во втором номере «Вестника древней истории» за 1951 год. Письмо, содержащее возражения рецензентам по ряду пунктов, написали члены кафедры классической филологии УрГУ—доцент Георгий Иванович Эбергардт и Владимир Дмитриевич Миронов.

В частности, М.Е. Грабарь-Пассек и Ф.А. Петровский писали о неточном использовании Шуйским слова *Аид*: «Переводчик должен точно знать (как знал это Жуковский), что Аид у Гомера не место, а божество, и не переводить "... пребывает в Аиде" (XXIV.264)»¹².

Однако, как справедливо указывают авторы письма, у Жуковского читаем: «В аду еще не бывал с кораблем не один земнородный» (X.502: *εἰς Ἄϊδος δ' οὐ πώ τις ἀφίκετο νηὶ μελαίνῃ*). У Гнедича в переводе «Илиады» (VIII.16; XXII.389) также встречается понимание Аида не только как божества, но и места. Так же понимают Аид Минский (VIII.16) и

⁹ ВДИ. 1950. № 3. С. 130.

¹⁰ См.: ГОМЕР. Одиссея. С. 403–408.

¹¹ См.: ВДИ. 1950. № 3. С. 131.

¹² Там же. С. 132.

Вересаев (XXIII.137 и 244). Ср.: II. XXIII.244: *εἰς ὃ κεν αὐτὸς ἐγὼν* "Αἶδι κείθωμαι «покамест сам в (печальном) Аиде не скроюсь» (пер. Вересаева), где невозможно иное толкование Аида, кроме как места.

Новый перевод «Одиссеи», исполненный П.А. Шуйским, привлек также внимание Азы Алибековны Тахо-Годи. Она написала статью, опубликованную в 1953 году в XXVI томе Ученых записок Московского областного педагогического института (с. 211–225), которая так и была озаглавлена «О новом переводе “Одиссеи”».

Перевод «Одиссеи», сделанный П.А. Шуйским, назван в статье явлением замечательным, большим событием в изучении Гомера. По мнению А.А. Тахо-Годи, Шуйский проделал гигантскую работу, «очищая текст “Одиссеи” от многочисленных украшений поэта-романтика», от анахронизмов, допущенных Жуковским в целях «гладкости, изящности и красоты текста», от искажающих гомеровский колорит терминов русского православного быта. Многочисленные вставки имен *бог, государь, царь, государыня, царица, молитва, святотатство* отражают монархически-религиозные представления Жуковского, у которого даже нимфа Калипсо не *живет, а царствует* (XII.449: *ναίει*). Старинным патриархальным боярским бытом веет от *спальников* царя Менелая (IV.23: *θεράπων Μενελάου*), его *дворни* (XV.162), *пуховых постелей* (XX.141) и совершенно негомеровских обычаев *садиться по чину* (VII.98; X.233), *целовать руки* (XXII.499; XXIV.398), *запирать на замок* (XXI.387). *Лавки* во дворце царя Алкиноя (VII.95: *θρόνοι*), *царская трапеза* (VII.99), *лики золотые отроков, светочи* (VII.100)—их нет в тексте поэмы, но они присутствуют в переводе Жуковского. «На лире певец вдохновенный громко звучал» (IV.17 sq.: *μετὰ δὲ σφιν ἐμέλπετο θεῖος ἀοιδὸς | φορμίζων*) в переводе Жуковского передает причастие *φορμίζων*, которое Шуйский правильно перевел «играл на *форминге*»—у Гомера нет термина *лира*. *Деньги* (XVII.250) в переводе Жуковского также звучат анахронизмом, ибо гомеровское общество жило еще меновой торговлей на золотые и кожаные изделия и рогатый скот¹³.

Заслуга П.А. Шуйского, как считает А.А. Тахо-Годи, в совершенно новом переводе с греческого оригинала, снабженном подробным комментарием, указателем эпитетов героев и богов, перечнем собственных имен. Приложения, содержащие обильный материал, полезный для научных изысканий по Гомеру, свидетельствуют о большой филологической работе над текстом «Одиссеи», кропотливо проведенной переводчиком.

Комментарий к переводу, по словам автора, «представляет несом-

¹³ См.: Тахо-Годи А.А. О новом переводе «Одиссеи» // УЗ Московского областного педагогического института. Т. XXVI: Труды кафедры зарубежной литературы. Вып. 1. М., 1953. С. 213.

ненный интерес для анализа русских и иностранных переводов «Одиссеи». Каждому филологу будет интересно сравнить с помощью П.А. Шуйского, как звучит тот или иной оборот, то или иное слово у Жуковского, Зелинского, Фосса, Эренталя, и что принципиально нового дает нам перевод Шуйского. В то же время, полагает А.А. Тахо-Годи, переводчику в комментариях следовало остановиться на объяснении «интересных в историческом отношении мест» и дать «сведения из достижений современной археологии и этнографии, которые могут пролить свет на места странствований Одиссея и на его родину»¹⁴.

Досаду А.А. Тахо-Годи вызвало то обстоятельство, что Шуйский взял для перевода французское издание «Одиссеи» 1856 года, считая его лучшим. Справедливо указывается, что найденные новые папирусы «дали возможность совершенно заново пересмотреть текст поэмы, расширить некоторые спорные места, уточнить смысл всевозможных искажений переписчиками темных мест»¹⁵. Перевод П.А. Шуйского анализируется с учетом его близости к «подлиннику «Одиссеи», выработанному в последние десятилетия на основании новооткрытых папирусов и детального изучения огромного количества схолий»¹⁶. Отмечены места, требующие в переводе Шуйского уточнения или даже изменения смысла. Ставится также вопрос о художественности перевода Шуйского и признается, что поэтическая сторона нового перевода выражена «неравномерно и несколько упрощенно»: наряду с удачными местами встречаются прозаизмы и неудобочитаемые обороты типа *фиолетовая влага* (о море) (V, 56); *мягкая стрела* (V.124); *мойня* (VI.40)—о месте, где Навсикая стирала белье; *лоб*, который Артемида держит *выше всех прочих* (VI.107). Гекзаметр в переводе Шуйского требует иногда неестественного растяжения слогов.

Тем не менее, итог многолетнего труда П.А. Шуйского имеет «принципиально важное значение», ибо филологическая наука обогатилась выверенным и максимально близким к оригиналу текстом «Одиссеи», появилась возможность цитирования данного перевода в научных работах. П.А. Шуйский является «пионером» в создании нового русского текста «Одиссеи», и ему—большому энтузиасту и знатоку Гомера—всегда будет неоспоримо принадлежать «честь первого советского переводчика-гомерововеда, проложившего новый путь к пониманию великого создания древнегреческого гения»¹⁷.

* * *

¹⁴ Тахо-Годи А.А. О новом переводе «Одиссеи». С. 223 сл.

¹⁵ Там же. С. 217.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Тахо-Годи А.А. О новом переводе «Одиссеи». С. 225.

П.А. Шуйский – переводчик Гомера

Павел Александрович Шуйский родился 10 июля (28 июня по ст. ст.) 1878 г. в г. Петрозаводске Олонецкой губернии, в семье надворного советника, служившего секретарем съезда мировых судей. С пятнадцати лет он, ученик 5 класса местной гимназии, начал давать уроки, занимаясь с учеником 1-го класса за 4 рубля в месяц. Получив по окончании курса гимназии в 1898 г. аттестат зрелости, он становится студентом Нежинского историко-филологического института—принят на казенный кошт. Уже будучи переведенным на второй курс, студент П.А. Шуйский за участие в студенческих беспорядках, связанных с избиением нагайками питерских студентов 8 февраля 1899 г., был исключен из института. Заработав деньги летними уроками, он отправился в Москву, где был принят на второй курс историко-филологического факультета Московского университета. Учеба в Московском университете затянулась, как писал сам П.А. Шуйский в своем Curriculum vitae, «вследствие различных событий политического характера» и продолжалась до 1907 г.: 26 сентября 1907 г. он, подвергшийся в апреле и мае 1907 г. «испытанию в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при Императорском Московском Университете», был «удостоен диплома второй степени, со всеми правами и преимуществами».

«Испытания» включали в себя письменные (по славянскому языкознанию и истории русской словесности) и устные (по церковнославянскому и русскому языкам, по истории русской и западноевропейских литератур, по славяноведению, по сравнительному языкознанию и санскриту, по истории новой философии) экзамены и зачеты (по греческому и латинскому языкам).

Говоря о событиях политического плана, П.А. Шуйский имеет в виду свое участие в студенческих сходках и последующие аресты: в феврале 1901 г.—Бутырская тюрьма и первая ссылка под гласный надзор полиции; осенью того же года—возвращение в Москву и новый арест в ночь на 31 января 1902 г.—Таганская тюрьма, Новгородская тюрьма, а с конца июля—годовая ссылка на родину, в Петрозаводск. Только осенью 1903 г. П.А. Шуйский возобновил занятия в Московском университете, продолжавшиеся около года—в начале 1905 г. Московский университет был закрыт из-за «беспорядков». Период с апреля 1905 г. до августа 1906 г. студент Московского университета П.А. Шуйский провел за границей: сначала—Данциг, потом—Вена. В Вене почти год он работал на заводе браковщиком на приемке пушечных гильз, активно посещая при этом рабочие собрания, где изучал, как он сам писал, немецкий язык «на практике». С осени 1906 г. Шуйский продолжил занятия в Московском университете и в 1907 г. закончил, наконец, курс «по словесному (литературному) отделению историко-филологического факультета».

Трудовую деятельность П.А. Шуйский начал преподавателем русско-

го языка и литературы в Кутаисском реальном училище. В августе 1908 г. и 1909 г.—повышал педагогическую квалификацию на летних курсах для иностранных учителей при Йенском университете (Германия).

Затем была преподавательская работа на Полтавщине и увольнение без права работы в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения—за организацию «прогулки» учащихся 1 мая 1910 г. Но осенью того же года Павлу Александровичу удалось устроиться преподавателем в г. Екатеринославе, в коммерческом училище, находившемся в ведении Министерства торговли и промышленности. С 1914 г. он преподает в екатеринославских частных гимназиях, в реальном училище, в женской гимназии г. Екатеринослава (до ее закрытия в 1920 г.).

Была работа учителя и лектора в красноармейских батальонах, заведующего показательной школой второй ступени и лекторской секцией Екатеринославского губернского ОНО. С января 1922 г. по август 1930 г. Шуйский—преподаватель и заместитель декана по учебной части на рабфаке при Горном институте Екатеринослава (с 1926 г.—Днепропетровска). Эту работу в 1929–1930 учебном году он совмещает с обязанностями штатного преподавателя первой категории (на правах доцента) по истории русской литературы на втором и третьем курсах социал-экономического отделения факультета соцвоспитания Днепропетровского института народного образования (ДИНО).

С августа 1930 г. и до конца жизни преподавательская работа П.А. Шуйского продолжалась в Свердловске (с годичным перерывом: в 1938–1939 учебном году он был старшим преподавателем и заведующим кафедрой западной литературы в Полтавском педагогическом институте). Свердловский послужной список П.А. Шуйского включает работу преподавателем и заведующим учебной частью на курсах по подготовке в Горный институт, и. о. доцента в Педагогическом институте, библиографа и консультанта в Областной библиотеке им. Беллинского, литературного консультанта в областной газете «Уральский рабочий», преподавателя средней школы № 12 и зав. методкабинетом ГорОНО, лектора учительских курсов Совнархоза и УралОНО, консультанта и рецензента Областной заочной средней школы (до 1947 г.). Он заведует учебной частью на курсах «красных переводчиков», преподает на «немецких курсах» (для иностранцев) на Уралмаше, в Свердловском татаро-башкирском педагогическом и в Уральском инженерно-педагогическом институтах.

П.А. Шуйский читает лекции и ведет занятия по русской литературе XVIII–XIX вв., по языкознанию, по общему языкознанию, античной литературе.

С октября 1943 г. жизнь П.А. Шуйского связана с Уральским государственным университетом. Здесь в августе 1944 г. он получил звание доцента по кафедре классической филологии.

Будучи преподавателем кафедры классической филологии,

П.А. Шуйский вел занятия по классическим языкам, читал лекции по античной и средневековой литературе.

Студенты тех лет¹⁸, вспоминая лекторскую манеру П.А. Шуйского, говорят, что он, входя в аудиторию и как бы воцаряясь в ней, умел придать праздничность и характер увлекательной игры своим занятиям. Они запомнили его высоким стариком с неизменным костью, с седой бородой и горящими глазами, который превращал свои лекции по античной литературе в «священнодействие из древнегреческой и римской жизни, представляющее в художественных текстах и мифах». При этом лектор не позволял себе никакой жестикюляции или мимики, драматических эффектов. Многообразие интонаций речи лектора, сливающейся воедино с текстом античного автора, создавало «живую непосредственность мифологической ситуации». Аудитория чутко следила за повествованием «увлеченного до упоения рассказчика» и, отзываясь на движение его мысли, порой срывалась на аплодисменты. Мастерски исполненный курс не только обогащал необходимыми и полезными знаниями слушателей, но и одаривал их общением с неординарной, незаурядной личностью. И во время оваций, которые всегда завершали последнюю лекцию курса, сияющий и старомодно раскланивающийся П.А. Шуйский смотрелся не артистом, а человеком, хорошо исполнившим свою работу и радующимся, что это понято и по достоинству оценено слушателями.

Будучи доцентом УрГУ, П.А. Шуйский завершил свой многолетний труд по переводу Гомера¹⁹. Видимо, обстановка на кафедре, которую П.А. Шуйский возглавил в 1949 г., способствовала этому. Из публикаций, архивных личных дел сотрудников видно, что П.А. Шуйскому в той или иной степени содействовали и помогали все члены кафедры и не только: А.И. Виноградов редактировал переводы, для консультаций был приглашен М.Я. Сюзюмов, в начале 60-х годов редакцией перевода «Илиады» занимался А.Л. Вознесенский. Понятно поэтому и реакция коллег по кафедре на рецензию, опубликованную в «Вестнике древней истории».

Три переплетенных рукописных тома нового перевода «Илиады»,

¹⁸ Использованы воспоминания профессора А.Ф. Еремеева, опубликованные в «Известиях Уральского государственного университета» (1998. № 9. С. 142–146).

¹⁹ Первую свою работу о русском переводе «Илиады» П.А. Шуйский опубликовал в 1936 г. в журнале «Литературный критик» № 10 (с. 163–185). Из списка, хранящегося в личном деле П.А. Шуйского, следует, что большая часть его исследований осталась в рукописи (более 1000 страниц машинописи, из них 814 страниц перевода «Илиады»).

Л. В. Доровских

осуществленного П.А. Шуйским и снабженного комментариями переводчика, хранятся в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки УрГУ. Эта работа П.А. Шуйского ждет своего редактора и издателя.

P. A. SHUJSKIJ—THE TRANSLATOR OF HOMER
(TO 125 ANNIVERSARY FROM BIRTHDAY)

L. V. Dorovskih

The article is devoted to the biography of P.A. Shujskij (1878–1955), the teacher of the Ural State University, the translator of Homer into Russian (the translation of “*Odysea*” was issued in 1948, the manuscript of the translation of “*Ilias*” now is kept in the library of the Ural State University). The author analyzes advantages and lacks of Shujskij’s Homer.